

К 125-летию со дня рождения М. Н. Ермоловой

ЖИЗНЬ, КАК ЛЕГЕНДА

В основе каждой, самой вдохновенной романтической легенды лежит, как правило, упорный, каждодневный труд. Давно уже стала легендой жизнь и судьба великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой. Но у истоков этой прекрасной легенды — годы героического и скромного, неподъемного для женщины и невидимого для окружающих труда. Мария Николаевна Ермолова, первая народная артистка республики, олицетворение лучших надежд передовой русской интеллигенции, — это в первую очередь великие трудовые будни великого труженика.

Балетная школа, в которую отдали поначалу Машеньку Ермолову, не стала для нее родным домом, не здесь раскрылся замечательный талант артистки. Но она прошла все сложнейшие классы и уровни балетной выучки, терпеливо и мужественно закаляя волю для будущих свершений.

Как счастливый случай, как подарок судьбы подаются часто в нашей театральной литературе возвышение Ермоловой, ее вступление на сцену как звезды первой величины. Заболела актриса, и молоденькой девушке, ничем не проявившей себя доселе, поручили ведущую трагическую роль Эмилии Галотти в драме Лессинга. Ей поручили эту роль потому, что она знала текст Эмилии, давно и тайно выучив почти все репертуарные роли героического репертуара, шедшего в ту пору на сцене Малого театра. И не случай, труд опять-таки, вывел молоденькую Ермолову на прославленные подмостки, с тем, чтобы прославить их еще звонче. Девушка уже трудилась, не зная будущего, не веря в случай, не ожидая счастья...

И вот первая роль, Эмилия, сыграна. Талант вспыхнул. Малый театр увидел изумительное рождение героической актрисы мочаловского накала, неловкая «балетная» Маша стала Марией Николаевной Ермоловой. Но артистка не почила на лаврах.

Лауренсия в спектакле «Овечий источник»... Чтобы сыграть роль из трагедии Лопе де Вега так, как сыграла ее Ермолова — набатно, революционно, поднимая протестную испанскую крестьянку до символа народного бунта, — надо было не спать ночей, надо было прочесть множество книг, надо было сблизиться с молодой революционной Россией.

Роль шиллеровской Жанны д'Арк — лучшее украшение ермоловского репертуара, лучшее украшение русской сцены. Актриса и образ слились здесь органически, предельно тесно. Героическая Ермолова, влюбленная в Пушкина и Некрасова, Чернышевского и Добролюбова, чье сердце вбирало в себя всю боль ее народа. Героическая Жанна д'Арк, поднимающая свой меч на защиту родной земли. Как близки оба эти характера, обе эти судьбы. Но опять-таки не одно лишь вдохновение, не один лишь экстаз вели ермоловскую Жан-

ну на подвиг. Актриса не забывала, что ее Жанна — простая крестьянка, как и ее Лауренсия. И, быть может, именно потому обе эти девушки стали народными героинями, что видели народные муки, что умели и сами нелегко трудиться.

Кончался спектакль, и студенты, выпрягая лошадей из коляски Ермоловой, сами везли ее до дома, чтобы как можно полнее выразить свой восторг ее игрой, ее демократическим призывом, ее неустанной борьбой за достоинство человека. Кончались ермоловские спектакли — и театральные рабочие подносили ей кусок паркета, вырубленный из сцены Малого театра, с трогательной и великой надписью: здесь играла Ермолова. Героический труд увенчивался легендой. Имя труженицы Ермоловой постепенно становилось именем легендарной Ермоловой.

Актриса мочаловского темперамента — так говорят и пишут о Ермоловой. Но нельзя и забывать, что она была во многом актрисой нового времени, близкой Станиславскому и Художественному театру, актрисой глубочайшего психологического постижения внутреннего мира людей. Отсюда и великодушная галерея ее ролей в репертуаре Островского, таких, как Юлия Тугина в «Последней жертве», Кручинина в «Без вины виноватых», Лариса в «Бесприданнице», Евлалия в «Невольниках», ролей, сыгранных уже не только в манере Островского, но и в манере Чехова, когда быт поднимается до символа, когда трагедия личная поднимается до безысходного трагизма бытия.

Но чтобы стать актрисой, чье творчество наполнено традициями прошлых эпох и в то же время обращено к новым дням, надо было много, бесконечно много трудиться. Чтобы стать любимой актрисой Станиславского, поставившего новаторство законом театральной реформы, надо было постоянно образовывать себя, воспитывать в себе и художника, и интеллигента, и мастера, и гражданина.

Не случайно так скромно всегда одета Ермолова на дошедших до нас портретах, не случайно это величественное, строгое, трагическое, черное «неактерское» платье на портрете Серова. Она была прекрасна и скромна, величественна и робка, героична и проста, понимая театр и как место служения, и как место службы. Да, именно так. Потому что служение без службы — поза.

Мы отмечаем 125-летие со дня рождения великой актрисы. Будь жива она сегодня, право же, она, несомненно, была бы удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда. Назовем ее так, вглядываясь в жизнь гениального художника и великой труженицы.

И пусть, вспоминая о Ермоловой, новые и новые творческие наши поколения вспоминают не о счастливых случаях, но о жизни, полной труда.

Инна ВИШНЕВСКАЯ,
доктор искусствоведения.